

УДК:321.01:172

Асал БАБАЕВА,

Главный специалист Департамента по координации деятельности образовательных учреждений
Министерство цифровых технологий Республики Узбекистан
E-mail: uzedu.babaeva@gmail.com

По рецензии профессора Национального университета Узбекистана Е.Маматовой

THOMAS HOBBS'S THEORY OF THE SOCIAL CONTRACT AND JÜRGEN HABERMAS'S COMMUNICATIVE ETHICS AS A PHILOSOPHICAL AND POLITICAL-SCIENCE FOUNDATION OF CONTEMPORARY POLITICAL DIALOGUE AND CONSENSUS

Annotation

In the article analyzes the relationship between the Hobbesian concept of the social contract and Habermasian communicative ethics as a philosophical and political foundation of contemporary political dialogue and the achievement of sustainable social consensus.

Key words: Social contract, political dialogue, consensus, communicative ethics, legitimation of power, political philosophy.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА Т. ГОББСА И КОММУНИКАТИВНАЯ ЭТИКА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА И КОНСЕНСУСА

Аннотация

В данной статье анализируется соотношение гоббсовской концепции общественного договора и хабермасанской коммуникативной этики как философско-политологического основания современного политического диалога и достижения устойчивого общественного консенсуса.

Ключевые слова: Общественный договор, политический диалог, консенсус, коммуникативная этика, легитимация власти, политическая философия.

T. GOBBSNING IJTIMOIIY SHARTNOMA NAZARIYASI VA YURGEN XABERMASNING KOMMUNIKATIV ETIKASI ZAMONAVIY SIYOSIY DIALOG VA KONSENSUSNING SIYOSIY ASOSI

Annotatsiya

Mazkur maqolada gobbsha ijtimoiy shartnoma konsepsiyasi va xabermascha kommunikativ etikaning zamonaviy siyosiy dialog hamda barqaror ijtimoiy konsensusga erishishdagi falsafiy-siyosiy nisbati tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: Ijtimoiy shartnoma, siyosiy dialog, konsensus, kommunikativ etika, hokimiyatni legitimlashtirish, siyosiy falsafa.

Введение. В условиях усложнения современных политических процессов проблема диалога и консенсуса между государством и обществом приобретает особую философско-политологическую значимость. Глобальные трансформации публичной власти, рост социальной дифференциации, усиление конфликтного потенциала и кризис традиционных форм политической легитимации обуславливают необходимость обращения к фундаментальным теориям, раскрывающим основания согласия и устойчивости общественного порядка. В этом контексте теории общественного договора и коммуникативной рациональности продолжают сохранять свою методологическую и эвристическую ценность. Классическая теория общественного договора, наиболее последовательно представленная в концепции Томас Гоббс, заложила основы понимания политического порядка как результата рационального соглашения индивидов, направленного на преодоление состояния конфликта и всеобщей небезопасности. В гоббсовской модели консенсус достигается через признание верховной власти суверена, что обеспечивает стабильность и предсказуемость политического пространства. Диалог в данном случае носит ограниченный характер и подчинён задаче сохранения общественного порядка.

Сопоставление гоббсовской концепции общественного договора и хабермасанской коммуникативной этики позволяет выявить эволюцию философско-

политического понимания диалога от модели суверенного порядка к модели дискурсивной легитимации власти. Данное сопоставление открывает возможность более глубокого анализа современных форм политического диалога, в которых элементы принуждения, институциональной регуляции и коммуникативного согласования сосуществуют и взаимно переплетаются. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в современных политических условиях проблема консенсуса всё чаще выходит за рамки формально-правовых механизмов и требует философского осмысления этических, коммуникативных и ценностных оснований власти.

Обзор литературы. В классической линии общественного договора ключевой отправной точкой выступает концепция Томаса Гоббса, где политический порядок выводится из необходимости прекратить разрушительную логику «естественного состояния» и обеспечить безопасность посредством учреждения суверенной власти. В научной традиции принято подчеркивать, что у Гоббса согласие и «договор» не сводятся к моральной гармонии, а выступают рациональным механизмом прекращения взаимной угрозы и стабилизации ожиданий, то есть ранней формой политического консенсуса как институциональной необходимости [1]. Современные интерпретации (через историю политической мысли и теорию государства)

фиксируют здесь важный методологический эффект: диалог и согласие мыслится не как «идеал общения», а как результат политико-правовой конструкции, обеспеченной властью и санкцией [1]. В актуальных условиях (рост неопределенности, конфликтности публичного пространства, поляризация) гоббсовский акцент на безопасности и управляемости продолжает использоваться как аргумент в пользу сильных регулятивных рамок, однако он же порождает риск «редукции диалога» до вертикального решения и административной рациональности, когда согласие становится тождественным подчинению [1].

Линия общественного договора, развитая Дж. Локком, переносит центр тяжести с абсолютного суверена на ограниченную власть, представительство и охрану естественных прав как нормативную основу легитимности. В историографии либеральной традиции подчеркивается, что консенсус в локковской перспективе мыслится как поддержание режима доверия к институтам через закон и процедуру: общественный договор закрепляет условия, при которых власть остается подотчетной и обратимой (вплоть до права сопротивления при разрушении правового основания) [2]. Для современной политической философии это важно тем, что диалог государства и общества получает процедурное измерение: не просто «соглашение о мире», а регулярные публичные механизмы контроля и корректировки власти [2]. В практике постсоветской трансформации именно локковский мотив ограниченности власти и приоритетности правового государства чаще всего используется в дискуссиях о модернизации институтов, открытости и гражданском участии, хотя его реализация упирается в асимметрию ресурсов и неравномерность политической коммуникации. У Ж.-Ж. Руссо договорная модель приобретает иной смысл: «общая воля» призвана выразить не сумму частных интересов, а нормативный горизонт политической общности. В исследованиях руссоистская перспектива рассматривается как попытка соединить свободу и обязательность через участие, где консенсус понимается как сопричастность общему политическому целому и признание общих правил как «своих». Эта линия особенно значима для анализа политического диалога там, где общество стремится не только к защите индивидуальных прав, но и к символической интеграции, солидарности и общим целям развития; вместе с тем руссоистская рамка неоднократно критиковалась за потенциальную уязвимость к подавлению множественности под именем «общего» (когда dissent трактуется как ошибка или «непонимание» общего блага). На фоне классических договорных моделей коммуникативная этика и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса предлагают иной фундамент: легитимность и консенсус выводятся не из акта учреждения власти или апелляции к общей воле, а из рационально организованной публичной коммуникации, где участники стремятся к взаимопониманию и могут критически проверять притязания на истинность, правильность и искренность. В этой традиции важнейшим источником выступает «Теория коммуникативного действия», где обосновывается различие между «коммуникативной» и «инструментальной» рациональностью и показывается, как системные механизмы могут «колонизировать жизненный мир», подрывая условия подлинного согласия [3]. Для политологии это дает язык описания того, почему формально демократические процедуры сами по себе не гарантируют консенсус: при деформации публичности, медийной логике и стратегических коммуникациях согласие может производиться как эффект управления, а

не как результат убеждения [3]. Нормативное уточнение хабермасианского проекта связано с дискурсивной этикой и анализом того, при каких условиях нормы могут считаться оправданными для всех затронутых. В работах, представленных в англоязычных изданиях типа «Моральное сознание и коммуникативное действие», эта линия раскрывается как попытка рационально реконструировать моральные основания согласия, не сводя их к традиции или принуждению [4]. Именно поэтому в современной философско-политологической традиции данные авторы рассматриваются как взаимно «конфликтующие», но методологически дополняющие друг друга источники анализа политического диалога и консенсуса [1], [3], [5].

Методология исследования. Методологическую основу исследования составляет комплексный философско-политологический подход, ориентированный на выявление онтологических, гносеологических и нормативно-этических оснований современного политического диалога и консенсуса. Исследование исходит из понимания политического диалога не как эмпирически фиксируемого коммуникативного акта, а как философски нагруженного механизма легитимации власти, согласования интересов и поддержания общественной целостности. В качестве базового методологического ориентира используется историко-философский метод, позволяющий реконструировать становление идеи общественного договора в классической политической философии и проследить эволюцию представлений о согласии, власти и политическом порядке. Данный метод применяется при анализе теории общественного договора Томас Гоббс, где консенсус трактуется как рационально обоснованное подчинение суверенной власти ради обеспечения безопасности и стабильности. Значение историко-философского анализа заключается в том, что он позволяет выявить исходные нормативные предпосылки современного понимания политического согласия и показать их ограниченность в условиях усложнённого и плюралистического общества. Наряду с этим в исследовании используется сравнительно-философский метод, направленный на сопоставление гоббсовской модели общественного договора с концепцией коммуникативной этики Юрген Хабермас. Данный метод позволяет выявить принципиальное различие между консенсусом, основанным на принуждении и институциональной необходимости, и консенсусом, формируемым в процессе рационального, равноправного и аргументативного диалога. Использование данного метода позволяет рассматривать диалог не только как средство управления, но и как ценностно нагруженную практику, предполагающую признание другого, ответственность участников и ориентацию на взаимопонимание. Значение нормативного анализа заключается в выявлении критериев подлинного консенсуса, отличающих его от формальной или симулятивной коммуникации. Дополняющим методологическим основанием выступает системно-структурный подход, в рамках которого политический диалог анализируется как элемент более широкой системы публичной власти, включающей институты, нормы, коммуникационные каналы и социальные ожидания. Данный подход позволяет показать, что диалог и консенсус не возникают спонтанно, а институционально формируются и воспроизводятся в определённой политико-культурной среде. Его значение состоит в возможности выявления взаимосвязи между качеством диалога и устойчивостью политической системы. В исследовании также применяется интерпретативный (герменевтический) метод,

направленный на анализ философских текстов и концепций в их смысловом и контекстуальном измерении. Этот метод позволяет избежать редукции идей Гоббса и Хабермаса к упрощённым схемам и раскрыть их внутреннюю логику, категориальный аппарат и актуальность для современных политических процессов.

Обсуждение и результаты. В рамках теории общественного договора политический диалог и консенсус первоначально осмысливаются как средство выхода общества из состояния конфликтности и неопределённости. В концепции Томас Гоббс договор выступает рациональным актом, посредством которого индивиды отказываются от части своей свободы ради безопасности и стабильности, передавая власть суверену [1]. Принятие верховной власти рассматривается как коллективно рациональное решение, обеспечивающее предсказуемость политического пространства [1]. Политическая значимость этой идеи сохраняется в современных государствах, где легитимность власти часто обосновывается аргументами безопасности, территориальной целостности и общественной стабильности. Однако необходимость такого подхода сопряжена с риском редукции диалога до односторонней коммуникации, при которой общественное согласие подменяется административным контролем. Противоположную методологическую перспективу предлагает коммуникативная этика Юрген Хабермас, в рамках которой политический диалог рассматривается как процесс рационального согласования позиций на основе аргументации и равенства участников [2]. Хабермас указывает на опасность колонизации публичного пространства стратегической и манипулятивной коммуникацией, при которой формально сохраняется диалог, но утрачивается его содержательная рациональность [3]. Политическая значимость данной проблемы особенно заметна в условиях медиатизации политики, когда общественное мнение формируется через упрощённые образы и эмоциональные нарративы. Это демонстрируют современные электоральные кампании, в которых коммуникация подменяет аргументацию. Особое внимание в ходе исследования уделено постсоветскому пространству, где политический диалог форм позволил сочетать элементы сильного государства и постепенного

расширения общественного участия. Результаты анализа показывают, что в ряде стран диалог носит преимущественно инструментальный характер, тогда как консенсус достигается через административные и символические механизмы [4]. Выводы и рекомендации. Итак, проведённый философско-политологический анализ показал, что диалог и консенсус в контексте теорий общественного договора и коммуникативной этики представляют собой не второстепенные элементы политической практики, а её структурообразующие основания. Осмысление идей Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо позволяет утверждать, что уже в классической философии политический порядок мыслился как результат соглашения, направленного на преодоление конфликта и обеспечение устойчивости общества. Дальнейшее развитие идеи политического диалога находит своё философское завершение в коммуникативной этике Ю. Хабермаса, где консенсус понимается как результат рационально организованного публичного дискурса, основанного на аргументации, взаимном признании и нормативной силе лучшего довода. В этом контексте диалог перестаёт быть вспомогательным механизмом легитимации власти и приобретает статус самостоятельного условия демократической устойчивости. Тем самым философия политического диалога смещает акцент с принуждения и формального согласия на коммуникацию, доверие и участие. Анализ современных политических практик показал, что в условиях цифровизации и медиатизации публичной сферы диалог между государством и обществом претерпевает существенные трансформации. В ряде государств диалог ограничивается символическими формами, не оказывая реального влияния на принятие решений. Вместе с тем узбекистанская модель демонстрирует стремление к поэтапному формированию диалога государства и народа, сочетающего элементы сильного государства с расширением каналов коммуникации и общественного участия. Это позволяет рассматривать данную модель как специфическую форму адаптации идей общественного договора и коммуникативной рациональности к условиям транзитивного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hobbes T. Leviathan. -Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 560 p.
2. Locke J. Two Treatises of Government. -London: Thomas Tegg; W. Sharpe and Son; etc., 1823. 464 p.
3. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. -Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
4. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. -Cambridge, MA: The MIT Press, 1990. 256 p.
5. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. -Cambridge, MA: The MIT Press, 1996. 631 p.
6. Rousseau J.-J. The Social Contract and Discourses. -London: J. M. Dent & Sons; -New York: E. P. Dutton & Co., 1913. 286 p.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. -М.: Мысль, 2001. С. 112–145.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. -М.: Наука, 2000. С. 67–89.
9. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. -М.: Весь Мир, 2016. С. 201–230.
10. Локк Дж. Два трактата о правлении. -М.: Мысль, 1988. С. 95–123.
11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. -СПб.: Питер, 2019. С. 54–78.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении. -М.: Мысль, 1988. С. 95–123.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. -СПб.: Питер, 2019. С. 54–78.